

Н.Г. Карнишина

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматриваются проблемы взаимодействия Русской православной церкви и государств, церкви и общества в период подготовки и проведения реформ 1860–1870-х гг. Особое внимание уделено анализу положения белого и черного духовенства, каналам взаимодействия церкви и паствы. Исследованы причины проведения церковной реформы.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения; религиозные права; округ; православное духовенство; церковная реформа; приходские священники (духовенство); религиозная политика; церковное законодательство.

В период подготовки и проведения реформ второй половины XIX в. на первый план среди прочих вышла и проблема строительства государственно-церковных отношений. Система управления церковью получила свой законченный вид при Николае I. Государство рассматривало Православную церковь, с одной стороны, как учреждение, выполняющее определенные административно-хозяйственные функции, а с другой – видело в церкви духовного пастыря общества, инструмент влияния на все сословия. В этих целях на протяжении всего XIX в. государство всячески усиливало роль и значение обер-прокурора, тем самым надежно обеспечивая государственное руководство важнейшим идеологическим инструментом.

В этих условиях становится понятной сама логика подготовки и проведения реформ церкви, которые изначально мыслились сановниками как реформирование социального института, занимающего свое определенное место в структуре государственных учреждений Российской империи. Неудивительно поэтому, что проекты петербургских благоустроителей церкви продвигались, по выражению киевского митрополита, «чрепашьим ходом» [1. С. 216].

Православная церковь была настолько тесно связана с государством, что практически любое изменение в жизни последнего вызывало необходимость либо обращения к ней как инструменту государственной политики, либо внесения изменений в ее управление и правовое положение. Вот почему, взяв курс на реформы, правительство обратилось к церкви, в которой к тому времени накопилось много нерешенных проблем, связанных именно с тотальной зависимостью от государства и в первую очередь – увеличивавшимся разрывом между духовенством и паствой. Реформа по отмене крепостного права явилась дополнительным толчком к реформам в церкви с целью повышения авторитета приходского духовенства среди крестьян.

В отечественной историографии интерес к анализу истории государственно-церковных отношений Синодального периода и к положению православного духовенства начинает активно проявляться с конца 1980-х гг. Обобщающий характер носит работа И.К. Смолича по истории Русской православной церкви [2].

Применительно к исследованию истории государственно-церковных отношений в России во второй половине XIX в. следует, на наш взгляд, выделить работы С.В. Римского [3], А.Ю. Полунова [4], С.Л. Фирсова [5], С.И. Алексеевой [6], М.А. Бабкина [7], А.В. Борисова, Н.С. Велитченко, Ю.Б. Смирновой [8], П.Н. Зырянова [9].

В некоторых публикациях (Н.Г. Карнишина [10], С.А. Лукьянов, А.Я. Малыгин [11]) рассматриваются отдельные, социально значимые направления деятельности РПЦ. Анализ положения приходского духовенства в 1870–1890-е гг. проведен Т.Г. Леонтьевой [12].

Следует отметить возросший в последнее время интерес исследователей к месту и роли Русской православной церкви в истории российского государства, к изучению церковного права и отношениям священников и паствы. Однако, на наш взгляд, проблема государственно-церковных отношений в России в Синодальный период, и особенно в пореформенный период, требует дополнительного изучения на основе широкого круга источников.

Проекты преобразований церкви, разрабатываемые и направляемые чиновничьей бюрократией, находились в явном противоречии с развитием внутренней жизни церкви. Подготовка и сами реформы осуществлялись в русле традиционной конфессиональной политики Петербурга на всей территории Российской империи. В условиях, когда крепостные крестьяне получили личную свободу, ограничения, практиковавшиеся в отношении духовного сословия, стали выглядеть диссонансом, что и потребовало изменений в правовом положении православного духовенства.

В этом плане интерес представляет написанный в марте 1862 г. отзыв Саввы (Тихомирова), архиепископа Тверского и Кашинского, на статью Агафаниела, епископа Вятского, о причинах бедственного положения православной церкви в России [13. С. 1]. Савва считал, что причина такого положения церкви «не в лицах духовных и не в существе Церкви, а вне сословия духовного и Святой Церкви, поскольку инициатива дел об улучшении и пр. по Церковному управлению – не у Архиепископов, а у Обер-Прокурора. А светские чиновники, при всей благонамеренности, не могут хорошо понимать духовных потребностей Церкви» [Там же].

В личной переписке и официальных записках Тверского архиепископа на протяжении всего пореформенного периода сквозило недовольство тотальным контролем светской власти над Церковью. Во многом вину за медленность продвижения реформ в провинции Савва перекладывал на столичные власти. Так, архиепископу Ярославскому Ионафану (Рудневу) уже в конце 1880-х гг. он писал: «Я без сожаления оставил Северную Пальмиру. Нельзя не понимать только о том, что так бесцеремонно поступают предержавшие власти с нашею братию – провинциальными архиереями. Сведующие и благонамеренные люди строго осуждают это» [14. С. 2].

Духовенство к середине XIX в. имело все признаки сословия – участие в сословно-представительном учреждении и наличие корпоративной организации. Управление церковью осуществлялось Синодом и духовными консисториями. Синод включал до 10 архиереев – представителей черного духовенства, а также духовника императора и главного священника армии и флота – представителей белого духовенства. Одни члены Синода были постоянными, присутствующими по положению, например митрополит Санкт-Петербургский, духовник императора и главный священник армии и флота, другие – временными, так как участвовали в заседаниях Синода в течение одного-двух лет по очереди. Синод назначал архиереев, стоявших во главе духовных консисторий, которые затем утверждались императором. Архиереи осуществляли управление и суд в епархии вместе с духовной консисторией, члены которой избирались архиереем из черного и белого духовенства. В 1860-х гг. духовные консистории на 79% состояли из приходских священников.

Корпоративность духовного сословия проявлялась в относительной независимости духовных консисторий и благочинных от местных властей, так как их деятельность по закону контролировалась обер-прокурором Синода и принимала чаще всего вид формально-канцелярский. Управление монастырями находилось в ведении черного духовенства. Признаки сословия предполагают наличие сословной замкнутости, что особенно ярко в отношении духовенства проявилось с начала XIX в. Свод законов от 1857 г. достаточно четко определял источники пополнения духовного сословия. Так, в монастырь мог поступить представитель любого сословия, но при соблюдении нескольких требований: возрастного ценза (мужчины – не менее 30 лет, женщины – не менее 40 лет), с согласия их непосредственного начальства, податные сословия – согласия Казенной палаты. Все желающие поступить в монастырь независимо от сословной принадлежности должны были получить на своем прошении подпись губернатора. Оформленное таким образом прошение поступало на рассмотрение в Синод [15. С. 37, 54].

Рядовое духовенство делилось на монашеское и приходское. В 1861 г. монастырей было 614 с 8 579 монашескими и 12 548 проходящими послуша-

ние; а также 37 381 церковь, 598 соборов и 12 186 часовен и молитвенных домов, в которых служили 113 815 духовных лиц. Из них священников – 37 950, диаконов – 12 444, причетников – 63 421. Общее число белого духовенства и церковнослужителей, вместе с находившимися за штатом по старости, болезни и т.п., – до 126 164 чел. К началу разработки основных положений реформы в 1862 г. один священник приходился на 1 365 человек, а одно лицо духовного сословия – на 85 человек! [16. С. 30].

Источником по изучению белого и черного духовенства на местах являются формулярные списки, которые в XIX в. поступали в местные консистории от благочинных и монастырского начальства. Списки содержали в себе информацию о духовных лицах и их семьях, включавшую сведения о поведении, проступках и наказаниях.

Церковно-государственные отношения в случае с черным духовенством предусматривали жесткую регламентацию основных прав и обязанностей последних в отношении светских властей и обособление монашеских, усугублявшееся скудным материальным положением монастырей.

По данным Синода, на 1850 г. численность черного и белого духовенства христианских исповеданий с членами их семей в Европейской России и Сибири составляла 281 тыс. человек, а в 1897 г. – 240 тыс. человек мужского пола. На долю приходского духовенства приходилось 90% всего духовенства, основную группу которых составляли священники, дьяконы, причетники. Причем священники в 1860 г. составляли от общего числа 33%, т.е. 37,8 тыс. человек, в 1880 г. соответственно – 40%, или 37 тыс. человек, а в 1890 г. – 43% от состава православного приходского духовенства в России [17. С. 2].

Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Для этой должности существовал возрастной ценз – 30 лет. В результате церковных реформ 1860–1870-х гг., когда были внесены некоторые изменения в статусе белого духовенства, была запрещена передача церковных должностей и отменены все наследственные, семейные притязания на служебные места в церкви. Епископов обязали назначать духовных лиц на вакантные места исключительно по профессиональным и моральным качествам кандидатов, а не за их социальное происхождение. Дети духовенства получили светский юридический статус. За все преступления духовенство подлежало светскому суду наравне с лицами недуховного звания. Личный суд епископа сохранялся только по маловажным проступкам, за которое епископ мог наложить епитимью.

Приходские священники играли заметную роль в своих приходах. Помимо собственно религиозных, приходские священники выполняли еще государственные функции – вели метрические книги, записи брачных обысков, регистрировали смерть, выдавали метри-

ческие свидетельства. В своде законов от 1857 г. на приходского священника возлагались также обязанности «предостерегать прихожан своих противу ложных и вредных разглашений, утверждать в благонравии и повиновении господам своим». Особо подчеркивалась необходимость предупреждать волнения крестьян, а если они все же начинались, то прилагать максимум усилий для возвращения их в повиновение. Закон требовал от духовника нарушать тайну исповеди и открывать властям, кто замышляет преступные действия, направленные против государства и в особенности против монарха [18. С. 79, 96].

Исходя из большого значения приходского священника в посредничестве между государством и обществом, большое внимание уделялось и в николаевское время, и в период реформ, и в 1880-е гг. юридическому оформлению прав и обязанностей белого духовенства. Правовые нормы детально оговаривали положение не только собственно причтов, но также членов их семей, источники пополнения сословия, порядок выхода из него и последствия столь важного шага, источники доходов, привилегии. Для занятия должности в приходском требовалось иметь духовное образование, т.е. закончить духовное училище или семинарию, выдержать испытание на знание церковного пения и порядка совершения богослужения. Окончательное решение принимал местный епархиальный владыка. Белое духовенство не платило личных податей, было свободно от постоя и поземельного налога, рекрутской повинности. Дети белого духовенства могли выходить из духовного звания и выбирать род занятий на основе общих гражданских законов и тем самым лишались всех привилегий прежнего положения, поэтому, как правило, все сыновья белого духовенства стремились сохранить свою сословную принадлежность. Приходскому духовенству разрешалось иметь недвижимость – дома, земля – в сельской местности и в городах.

Тот факт, что духовное образование служило важнейшим фактором при занятии церковной должности, привел к довольно высоким показателям уровня образования среди причтов. По данным Г. Фриза, в 1860 г. процент лиц с полным семинарским образованием среди белого православного духовенства составлял 82,6%, а в 1880 г. – 87,4% [19. С. 12].

Характерным является иерархический показатель: в 1830 г. места священников на 20% занимались детьми дьяконов, на 33% – детьми причетников и на 47% – детьми священников, в 1860 г. – соответственно 17, 34, 49%. Места дьяконов замещались в 1830 г. на 24% – детьми священников, на 54% – детьми причетников и на 24% – детьми дьяконов, в 1860 г. – соответственно на 9,74 и 17%. Места причетников замещались в 1830 г. на 21% детьми священников, на 9% – детьми дьяконов и на 70% – детьми причетников [20. С. 110].

Статус не являлся жестко наследственным, но семинарское или академическое образование почти гарантировало получение места священника. В результа-

те церковных реформ 1860-х гг. мобильность внутри духовенства возросла ввиду огромного оттока детей духовенства с образованием.

По данным Присутствия по делам православного духовенства за 1863 г. о доходах 204 причтов Санкт-Петербургской епархии и доходах 1 295 сельских и городских причтов Владимирской епархии, средний уровень доходов был для городских и сельских причтов примерно одинаков – около 300 руб., только один процент причтов имел доход от 700 руб. и выше [21. Л. 5, 7].

С начала XIX в. правительство заботилось о материальном обеспечении белого духовенства двумя путями. Первый состоял в введении фиксированного состава причтов приходских церквей с постепенным распространением на них казенного жалованья в качестве вспомогательного оклада к прочим доходам (плата за требоисправление, добровольные пожертвования прихожан). К 1861 г. жалованье получали менее половины всех причтов, и в среднем на причт приходилось до 210 руб. в год. Второе направление состояло в наделении причтов сельских церквей землей и угодьями, где нормой считался надел в 33 десятины удобной земли на причт [22. С. 27].

Речь шла лишь о служащем духовенстве, но к началу церковных реформ вопрос о наделении причтов землей решен не был. К началу 1860-х гг. многие причты сельских церквей имели пахотную и усадьбную землю. При этом ее размеры были различны. Так, в Саратовской епархии на одну церковь приходилось в среднем более 40 десятин, в Оренбургской – от 33 до 99 десятин, в Астраханской – более 59 десятин [23. Л. 26]. В сельских причтах духовенство само вело хозяйство, обрабатывая землю и разводя домашний скот. Подчас священнику, дьякону или причетнику было трудно сочетать это с ежедневной службой в храме.

А.В. Головин, бывший в 1861–1866 гг. министром народного просвещения, в «Заметках в бытность в деревне в Пронском уезде Рязанской губернии летом 1867 г.» писал: «Духовенство в последние годы не приобрело уважение прихожан, а напротив того, возвысив значительно плату за требы, возбудило к себе неуважение народа» [24. Л. 19].

Духовенство повсеместно использовало традиционный источник дохода: плату за совершение треб и обход домов прихожан по большим праздникам. В целях улучшения отношений между духовенством и прихожанами правительство пыталось ввести тарифы на требоисправления, а взамен назначить вспомогательное жалованье, но это привело к формированию мнения, что в тех приходах, где причтам платят жалованье и выделена пахотная и усадьбная земля, они не должны ходить по домам.

Гораздо меньшим был доход у сельских причтов. Таким образом, хотя белое духовенство и было приближено по своим юридическим правам в личном дворянству, по показателям доходов они сильно отличались. На гражданской службе чиновники IX–

XIV классов получали в среднем жалованье в год от 100 до 400 руб., военная служба, имевший первый офицерский чин, – 200 руб., а средний годовой доход священников в городе составлял от 30 до 80 руб., в деревне – от 25 до 40 руб. [25. С. 257]. Это касалось тех причтов, где священники не получали казенное жалование и находились на содержании своей паствы.

Эти данные относятся к началу церковных реформ, поэтому одним из наиболее распространенных требований духовенства было получение казенного жалования. Однако, как видно из отчетов губернаторов, особенно отдаленных губерний, в течение всего пореформенного периода данная проблема сохраняла свою актуальность, особенно в отношении сельского духовенства. В отчете о состоянии Уральской области за 1884 г. губернатор писал: «Духовенство при вновь образованных приходях не может довольствоваться доходами от одних прихожан, т.к. в числе их много раскольничьих семей, да и нежелательно, чтобы духовенство было поставлено в необходимость требовать платы за исполнение треб, в особенности же в первое время. При отсутствии же определенного содержания церковным причтам является крайнее затруднение в желательном замещении церковных служительских должностей при храмах, а всякий неудачный в этом отношении выбор неизбежно производит дурное впечатление на обывателей» [26. С. 54].

В противовес жалобам архиепископов из провинциальных епархий глава духовного ведомства из Петербургской епархии в отчете за 1880 г. отмечал: «Состояние столичного духовенства в материальном отношении можно считать обеспеченным. Нельзя того же сказать о состоянии духовенства сельского из-за обеднения сельских прихожан. В столице, где больше образованности в пастырях и богаче церковные библиотеки и где духовенство более обеспечено, назидание паствы идет успешно. Значительно слабее идет проповедничество в церквях сельских, где и пастыри не так образованы, как в столице, и библиотеки весьма скудны по скудости церковных средств, где пастыри не имеют достаточно средств заводить библиотеки собственные и где наконец постигаем не всегда и досужно приготовить слово народу» [27. Л. 3 об. – 4].

Проблема различия в положении белого духовенства столиц – губернских городов – уездных центров – сельских причтов стояла остро и в николаевское время, и сохранила свою актуальность после церковных реформ, результаты которой коснулись главным образом духовенства городских причтов.

О нерешенности материальных проблем провинциального белого духовенства в течение всего пореформенного периода свидетельствует, в частности, такой источник, как письма из помещичьих имений. Так, чиновник в отставке В.В. Ярмонкин в письмах из своего имения Чирково Самарской губернии Бугульманского уезда, подводя итоги реформ 1860–1870-х гг., писал: «Священник – единственный человек в селе, который

может научить, посоветовать и которому может крестьянин передать и свое горе, и свою радость. Не говоря уже о его духовном сане, он – единственное интеллигентное лицо в деревне, и уже по этому одному от него возможно было бы ожидать очень и очень много. Однако вся жизнь священника и его семьи находится в прямой зависимости от крестьянина, поскольку сход назначает жалование священнику. Получение жалования священником непосредственно от крестьян крайне унижает его, производит неприязненные чувства между ним и мирянами, подрывает религиозные чувства, оставляет священника на несколько лет без жалования, и тому подобные неприятные явления» [28. С. 23–25].

Обер-прокурор в обращении в Государственный Совет от 21 июля 1867 г. отмечал, что по действующим штатам личное содержание архиереев можно считать достаточным только в западных, Рижской, Таврической, Кавказской, Петербургской, Новгородской и Оренбургской епархиях; в остальных оно составляло от 743 руб. 40 коп. до 914 руб. 85 коп. и в Московской – 1712 руб. 16 коп. Обер-прокурор пересмотр штатов и окладов кафедральных соборов объяснял тем, что они – бесприходные и, следовательно, лишены доходов за исполнение треб. А оклады даже протоиереев крайне малы: от 142 до 172 руб. в год [29. С. 41].

В проекте закона предложения Синода сводились к принципу уравнивания в содержании архиереев различных епархий с отменой деления епархий по классам и с введением с 1 января 1868 г. новых штатных расписаний архиерейских домов и кафедральных соборов. Московскую и Санкт-Петербургскую епархии уравнивали по содержанию с западными, назначив архиереям по 4 000 руб., а на архиерейские дома – по 4 350 руб. Киевскую епархию уравнивали с Литовской, назначив по 4 000 и 5 000 руб. Для сравнения, например, Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская епархии получили соответственно 1 500 и 3 700 руб. Деньги на изменение содержания Синод изыскивал из своей сметы и выражал сожаление, что средства не позволяют увеличить его. Причты кафедральных соборов, которые делились ранее на 11 разрядов, после реформы по содержанию делились на 5 групп: в Киевской и Литовской епархиях годовой расход на них составлял по 5 000 руб.; в Московской, западных, Новгородской и Рижской – по 4 000 руб.; в Камчатской – 4 985 руб. Во всех остальных – по 2 850 руб. Расходы на содержание консисторий в среднем возросли втрое [30. С. 313].

Как следует из приведенных выше данных, после церковных реформ сохранилось неравенство епархий по содержанию окладов, что касалось городских и сельских причтов. Сохранился и даже несколько увеличился существовавший и ранее разрыв между столичными и провинциальными епархиями, так как улучшения положения коснулись в первую очередь первых.

Вполне оправданно в этой связи звучит сделанное в 1892 г. заявление в «Церковном вестнике» и ставшее в

начале 1890-х гг. общим местом: «В печати, пишущей о церковно-приходской жизни, чаще всего выражается мнение, что этой жизни у нас не существует, что наши приходы, имея в себе чисто внешнюю связь, погружены в полную спячку» [31. С. 15].

Газета «Русь» 29 ноября 1880 г. писала по этому поводу: «Главной задачей православного ведомства было “обеспечение сельского духовенства”, для чего тысячи православных храмов, воздвигнутых на средства народа, ведомство признало нужным закрыть и приходы упразднить вопреки просьбам, мольбам и нуждам народным» [32. С. 2].

В отчете о ревизии Черниговской губернии сенатор А.А. Половцов в 1882 г. писал: «Обвинения против духовенства имеют всего предметом: вымогательство при требованиях, сопровождаемое нередко ужасающими подробностями, безнравственность, подтверждающая самые скандальные сцены не только в домашней жизни, но и в стенах храма, пьянство, нарушающее святость и прерывающее отправление богослужения, буйство в вертепах, взаимная профессиональная зависть» [33. Л. 58].

Именно с конца 1870-х – начала 1880-х гг. на волне разочарования части белого духовенства результатами реформ церкви появилась тенденция, бывшая большой редкостью в прежние времена, а именно отказа от духовного звания. Русское духовенство предпринимало попытки в 1860–1870-х гг. преодолеть изоляцию от светского общества. Приходские священники в большинстве своем ориентировались на поиск диалога со своими прихожанами различных сословий и состояний.

На наш взгляд, разлад духовенства с паствой не носил всеобъемлющего характера. Не являясь на тот момент монолитной системой, Русская православная церковь испытывала внутренние противоречия. Находясь в центре общественной жизни, в пореформенный период духовенство вынуждено было усилить активность в поисках диалога с мирянами. Это касалось и столичного, и провинциального белого духовенства. Среди церковных иерархов росло недовольство недостойным поведением части причтов, что находило отражение как в официальной переписке, так и в свидетельствах современников.

Так, епископ Палладий в письме из Тамбова в Петербург протоиерею Д.Ф. Ганкевичу о впечатлении от поездки по епархии об отношении народа к духовенству от 21 октября 1878 г. писал: «Во время поездки моей по епархии я заметил, что народ не любит духовенства и тяготеет к нему. Во многих приходах мне пришлось слышать такие речи от народа: “Попы – наши враги, грабители и разорители”. Что же будет, если эти речи сделаются общими, повсеместными. А вся беда в том, что жалованья нет и священники принуждены торговаться с народом за каждую потребу. Не много таких, которые довольны тем, что дают; большинство вымогает, торгуется и из-за торгового нередко производит скандалы» [34. Л. 1].

Епископ Енисейский Никодим в письме вице-директору канцелярии обер-прокурора из Красноярска от 13 мая 1866 г. помимо проблемы непопулярности треб у населения поднял еще несколько проблем взаимоотношения духовенства с паствой на подведомственной ему территории: «Вот уже пятый год живу я в Красноярске. Освоился и со страной, и с жителями ее. Оскудение духовенства возрастает быстро, угрожает даже невозможностью существовать. Сие – от охлаждения в вере, а охлаждение – от ложного просвещения, которым ныне так жадно питаются и русские умы. В частности, наша Енисейская губерния имеет на две трети во всех чинах и должностях поляков. Русские же иногда тяжелее и дерзновеннее поляков относительно пренебрежения духовенством» [35. Л. 7].

В 1875 г. П.А. Валуев подверг анализу сложившиеся взаимоотношения духовенства и светского общества. П.А. Валуев был убежден, что именно общество в лице его религиозно настроенных деятелей должно помочь церкви возродить ее прежнее влияние на народное образование.

Противоречивые результаты реформ и силовые методы принятия решений привели к тому, что фигура обер-прокурора Синода при дворе не устраивала никого. В конце 1870-х гг. получивший сильное влияние М.Т. Лорис-Меликов сделал вывод о систематическом устранении духовенства из жизни общества.

Особенно много сетований на падение влияния духовенства в обществе содержалось в корреспонденции К.П. Победоносцева.

В записке предводителя дворянства из Черниговской губернии И.С. Листовского «Россия в настоящем и ее исторические опыты», датированной 31 декабря 1881 г., была сделана попытка анализа причин неудачи реформ церкви и положения церкви в обществе в начале 1880-х гг. Для автора записки было очевидно, что церковь в России в первую очередь являлась органом государственного строя. При этом «правительство, отрешившись от духовного единения с церковью, стало смотреть на нее как на политическое учреждение. Но здесь и является ошибка: форма не может дать глубокие связи народу и служить правительству орудием для влияния на последнего. Космополитизм стал присущ высшей среде государства. На церковь смотрят все с равнодушием. Равнодушие это является отчасти плодом иностранного воспитания, преобладания в государственном управлении лиц чужой народности и чужой церкви. Православных в империи 55 885 691 душа /1876 г./. Расходуется на церковь из Государственного казначейства 8 726 017 руб. /на душу –15 2/3 коп./. Католиков –7 494 516 душ. Расходуется –1 739 959 руб. /23 ¼ коп./. Министр финансов Рейтерн в отзыве Синоду от 6 марта 1876 г. за № 866 дал заключение, что прошения священникам о выдаче метрических свидетельств должны подаваться на 40-копеечной бумаге, так как священник – есть “должностное лицо”. Может ли это сказать православный,

понимающий дух церкви и значение священника?» [36. Л. 44–48].

Подобная резкая критика духовенства, как правило, была связана с критикой церкви как государственного института, так же как в провинциальной печати критика белого духовенства шла в тесной связи с разбором деятельности местной администрации. Переплетение

церковно-государственных отношений, которое особенно ярко проявилось в период церковных реформ, проводившихся в русле единого реформаторского курса правительства, привело к тому, что в восприятии населения духовенство в первую очередь рассматривалось в качестве проводника государственной политики на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрополит Арсений – епископу Платону, письмо от 16 ноября 1863 г. // Русский архив. 1892. № 2. С. 212–219.
2. Смолч И.К. История русской церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1. 219 с.
3. Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 2–27.
4. Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. 327 с.
5. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. 367 с.
6. Алексеева С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2003. 312 с.
7. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. 312 с.
8. Борисов А.В., Величенко Н.С., Смирнова Ю.Б. Государство, церковь, общество в России в XVIII–XIX вв. Ярославль, 2002. 342 с.
9. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. 289 с.
10. Карнишина Н.Г. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев: штрихи к портрету // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 24–31.
11. Лукьянов С.А., Малыгин А.Я. Роль МВД дореволюционной России в регулировании религиозных отношений. М., 2003. 312 с.
12. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. 278 с.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 262. К. 20. Д. 14.
14. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве. Leipzig, 1866. Т. 2. 218 с.
15. Свод законов. 1857. Т. IX. Ст. 256–258; Т. XV. Кн. 1. Ст. 19. Прим. 1; Т. IX. Ст. 262.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 97 (1861 г.). Д. 604.
17. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1860 г. СПб., 1862. 119 с.
18. Свод законов. 1857. Т. XIV. Ст. 380, 383; Т. XV. Кн. 2. Ст. 245, 598, 599.
19. Freeze G.L. The Parish Clergy in nineteenth century Russia. Crisis, reform, counter reform. Princeton, New Jersey, 1983. 315 p.
20. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. 412 с.
21. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 60.
22. Свод законов. 1857. Т. X. Ч. III. Ст. 467.
23. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Р. 1. Д. 96.
24. ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 198.
25. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVII в. // Формирование бюрократии. М., 1974. 289 с.
26. РГИА. Библиотека. Ф. 1 (1884 г.). Оп. 1. Д. 107.
27. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 893.
28. Ярмонкин В. Письма из деревни. СПб., 1896. 58 с.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2. № 45341.
30. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 55.
31. Церковный вестник. 1892. № 30. С. 14–17.
32. Русь. 1880. 29 ноя.
33. ОР РНБ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1333.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 1471.
35. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1397.
36. ОР РНБ. Ф. 587. Оп. 1. Д. 17.

Karnishina Natalia G. Penza State University (Penza, Russian Federation). E-mail: karnishins@mail.ru

STATE AND CHURCH RELATIONS IN RUSSIA IN SECOND HALF OF XIX CENTURY.

Keywords: state and church relations; religious rights; flock; parish; orthodox clergy; church seal; church reform; parish priests (clergy); religious policy; legislation on church.

The problems of interaction between the Russian Orthodox Church and the state, the church and the community in the reform period of the 1860s and the 1870s are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the positions of white and black clergy, canals of interaction between the church and the flock. The reasons for conducting a church reform in Russia are investigated. The author pays attention to the system of relations between the centre and the outskirts of the Empire and to the system of administrative and law-enforcement structures. The genesis of the ethnic-confessional factor in the public life of West provinces of the Russian Empire in the second half of the XIX century is analyzed. The investigation of the problem was made on the basis of archival sources, materials of periodic press, official and statistic materials. Relying on the opinions of famous Russian lawyers of the XIX century, the author proves the necessity of the acceptance of new rules which would thoroughly change the legal status of the Church. In the centre of the author's attention is the investigation of the structure of reforming Russia. The author proves the inefficiency of the Russian Orthodox Church before reforms because of many uncompleted cases and other problems. The research into the position of the provincial white clergy is undertaken. The main question for the officials was the problem of the position of metropolitan and provincial white clergy. After the analysis of the level of education of church officials and of their financial situation the author makes a conclusion that the presence of different institutions, the absence of the system of the church legislation, the connection between judicial and administrative functions, complicated by the inadequacy of the corps of clergy brought the orthodox church to the crisis in the pre-reform period. There was a necessity to make some systems reforms. The gap between the clergy and the flock did not have any general character. The Russian orthodox church had internal contradictions, not being a monolithic system. The clergy which was at the centre of social life in the reform period became more active in the search of dialogue with laity. It was relevant both to the metropolitan and provincial white cler-

gy. There was dissatisfaction within the church hierarchy because of the behavior of some priests which was reflected in the official correspondence and memoirs of contemporaries.

REFERENCES

1. *Mitropolit Arseniy – episkopu Platonu, pis'mo ot 16 noyabrya 1863 g.* [Metropolitan Arseniy to Bishop Platon. A Letter dated 16 November 1863]. *Russkiy arkhiv*, 1892, no. 2, pp. 212-219.
2. Smolich I.K. *Istoriya russkoy tserkvi. 1700–1917* [The history of Russian Church. 1700-1917]. Moscow: Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior Publ., 1996. Pt. 1, 219 p.
3. Rimskiy S.V. Tserkovnaya reforma 60–70-kh gg. XIX veka [The Church Reform of 60-70s of the 19th century]. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 2, pp. 2-27.
4. Polunov A.Yu. *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v epokhu Aleksandra III* [Under the reign of Chief Prosecutor. The State and Church in the time of Alexander III]. Moscow: AIRO-XX Publ., 1996. 327 p.
5. Firsov S.L. *Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [Russian Church on the eve of changes (the late 1890–1918.)]. Moscow: The Roundtable on Religious Education Publ., 2002. 367 p.
6. Alekseeva S.I. *Svyateyskiy sinod v sisteme vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy poreformennoy Rossii 1856–1904 gg.* [The Holy Synod in the system of higher and central government institutions in the post-reform Russia in 1856-1904]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 312 p.
7. Babkin M.A. *Dukhovenstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.)* [The clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy (the early 20th century – late 1917)]. Moscow: The Russian State Historical Library Publ., 2007. 312 p.
8. Borisov A.V., Velitchenko N.S., Smirnova Yu.B. *Gosudarstvo, tserkov', obshchestvo v Rossii v XVIII – XIX vv.* [State, Church and Society in Russia in the 18th – 20th century]. Yaroslavl: Yaroslavl state University Publ., 2002. 342 p.
9. Zyryanov P.N., Kostina E.M. *Russkie monastyri i monashество v XIX i nachale XX veka* [Russian monasteries and monachism in the 19th and early 20th century]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 1999. 289 p.
10. Karnishina N.G. Attorney-General of the Synod K.P. Pobedonostsev: strokes to the portrait. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University Proceedings. Volga Region. Humanities*, 2007, no. 3, pp. 24-31. (In Russian).
11. Luk'yanov S.A., Malygin A.Ya. *Rol' MVD dorevolyutsionnoy Rossii v regulirovaniy religioznykh otnosheniy* [The role of the Internal Affairs Ministry of the prerevolutionary Russia in regulating religious relations]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2003. 312 p.
12. Leont'eva T.G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The faith and progress: Russian Orthodox Rural Clergy in the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2002. 278 p.
13. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 262. List. 20. File 14. (In Russian).
14. Rostislavov D.I. *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve* [On the Orthodox secular and regular clergy]. Leipzig, 1866. Vol. 2, 218 p.
15. The Code of Laws. 1857. Vol. IX. Art. 256-258; Vol. XV. Book 1. Art. 19. Note 1; Vol. IX. Art. 262. (In Russian).
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 97 (1861). File 604. (In Russian).
17. *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda za 1860 g.* [The Loyal Report of the Holy Synod Attorney-General for 1860]. St. Petersburg, 1862. 119 p.
18. The Code of Laws. 1857. Vol. XIV. Art. 380, 383; Vol. V. Book 2. Art. 245, 598, 599. (In Russian).
19. Freeze G.L. *The Parish Clergy in nineteenth century Russia. Crisis, reform, counter reform*. Princeton, New Jersey, 1983. 315 p.
20. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The social history of Russian Empire (the 18th – early 20th century)]. St. Petersburg: DB Publ., 1999. Vol. 1, 412 p.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 804. List 1. File 60. (In Russian).
22. The Code of Laws. 1857. Vol. X. Pt. III. Art. 467. (In Russian).
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 804. List 1. P. 1. File 96. (In Russian).
24. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 208. List 1. File 198. (In Russian).
25. Troitskiy S.M. *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVII v. Formirovaniye byurokratii* [The Russian Absolutism and Nobility in the 17th century. The bureaucracy formation]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 289 p.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1 (1884). List 1. File 107. (In Russian).
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 442. File 893. (In Russian).
28. Yarmonkin V. *Pis'ma iz derevni* [Letters from the village]. St. Petersburg., 1896. 58 p.
29. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1871. Vol. 42. Part 2. No. 45341. (In Russian).
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 806. List 19. File 55. (In Russian).
31. *Tserkovnyy vestnik*, 1892, no. 30, pp. 14-17.
32. *Rus'*, 1880, 29th November.
33. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 600. List 1. File 1333. (In Russian).
34. The State Archives of the Russian Federation (GARF). File 109. List 3. File 1471. (In Russian).
35. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3. File 1397. (In Russian).
36. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 587. List 1. File 17. (In Russian).